

На правах рукописи

Мазилев Владимир Александрович

**ТЕОРИЯ И МЕТОД В ПСИХОЛОГИИ:
ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИИ
КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ НАУКИ**

Специальность 19.00.01. – общая психология,
история психологии

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора психологических наук

Москва, 1999

Работа выполнена на кафедре педагогики и психологии начального обучения Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского

Научный консультант: академик РАО, доктор психологических наук, профессор **В.Д. Шадриков**
 член-корреспондент РАН,
 действительный член РАО, доктор психологических наук, профессор **А.В. Брушлинский**,
 действительный член РАО,
 доктор философских наук, профессор **К.А. Абульханова**,
 доктор психологических наук,
 профессор **С.Д. Смирнов**

Ведущая организация: Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Защита состоится " ____ " _____ 1999 г. в ____ часов на заседании диссертационного Совета Д.053.01.07 в Московском педагогическом государственном университете по адресу: 109172, г. Москва, Новоспасский переулок, д. 3, к. 3.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке МПГУ по адресу 119435, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1.

Автореферат разослан " ____ " _____ 1999 г.

Ученый секретарь
 диссертационного совета,
 доктор психологических наук,
 профессор

А.К. Болотова

ных педагогических чтений, посвященных 90-летию ЯГПУ и 175-летию К.Д. Ушинского 8-9 декабря 1998 г. Часть 2. Ярославль: ЯГПУ, 1998. С. 234-238.

43. Мазиллов В.А. К проблеме метода в психологии // Феномены личности и группы в изменяющемся мире: Материалы научно-практической конференции. Ч. 1. Кострома: КГПУ, 1998. С. 86-89.

44. Мазиллов В.А. О соотношении теории и метода в психологии //Ананьевские чтения: (Тезисы научно-практической конференции «Ананьевские чтения – 98») / Под ред. А.А. Крылова. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1998. С. 41-43.

45. Мазиллов В.А. Психология: наука и жизнь // Изучение педагогической деятельности: поиск, проблемы, решения. Ярославль: ЯрГУ, 1999. С. 15-34.

Всего по теме диссертации опубликовано свыше 100 научных работ общим объемом более 60 п.л.

славль: МАПН, 1999. С. 104-106.

34. Мазилев В.А. Psychologia quinta (О пятой психологии) // Психотехнологии в социальной работе / Сб. под ред.

В.В. Козлова. Ярославль: МАПН, 1999. С. 107-132.

35. Мазилев В.А. К проблеме соотношения теории и метода в психологии / Методология и история психологии: Тезисы докладов к VII съезду Общества психологов СССР. М.: АН СССР, 1989. С. 29-30.

36. Мазилев В.А. Диалог и научное творчество в психологии // Человек в мире диалога: Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной конференции. Л.: ЛГПИ, 1990. С. 132-134.

37. Мазилев В.А. В.М. Бехтерев как методолог психологической науки // В.М. Бехтерев и современная психология: Тезисы международной научно-практической конференции 11-15 сентября 1995 г. Казань: КГУ, 1995. С. 45-46.

38. Мазилев В.А. «Возвращение» психоанализа и методологические проблемы современной психологии // Психология сегодня: Материалы I Всероссийской научной конференции по психологии Российского психологического общества «Психология сегодня» (31 января – 2 февраля 1996 г.) Москва. Ежегодник Российского психологического общества. Т. 2. Вып. 1. М., 1996. С. 230.

39. Mazilov V.A. Psychology: on a verge of the third millenium // Personality. Power. Society. Proceedings of the Asian-Pacific International Congress in Psychological Knowledge Held. Khabarovsk: Russian Far East, 1998. P. 40-43.

40. Мазилев В.А. Практическое мышление: эволюция подходов (от «простоты» к «единству») // Исследования педагогического мышления. М.: ИПРАН, 1999. С. 34-53.

41. Мазилев В.А. Научная психология: соотношение теории и метода // Психология и практика: Ежегодник Российского Психологического Общества/ Отв. ред. А.В. Карпов, В.А. Мазилев. Т.4, вып.1. Ярославль: ЯрГУ; МАПН, 1998. С. 107-109.

42. Мазилев В.А. Научная психология: к проблеме метода // Общество, образование, человек: Сборник тезисов международ-

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность исследования. В конце XX столетия в отечественной психологической науке многими ведущими психологами отмечено наличие методологического кризиса (А.В. Брушлинский, И.П. Волков, В.В. Давыдов, В.П. Зинченко, С.Д. Смирнов, О.К. Тихомиров, Е.Д. Хомская, Н.И. Чуприкова и др.). Кризис носит интернациональный характер: те симптомы обнаруживаются и в мировой психологической науке (Л. Гараи, М. Кечке, М. Коул и др.). Можно констатировать, что кризисная симптоматика проистекает в значительной степени из объективной сложности предмета, множественности парадигм, используемых для его описания. Другая причина этих трудностей состоит в том, что в психологии до сих не описан и не проанализирован должным образом сам методологический аппарат психологической науки. В результате остается недостаточно проясненным сам процесс генерирования психологического знания. Поскольку методологический характер кризиса очевиден, есть все основания полагать, что кризисные явления связаны в первую очередь с недостаточной разработанностью методологических вопросов психологии. В последние годы отмечается недостаточное внимание профессиональных психологов к методологии (М.Г. Ярошевский, 1996). На наш взгляд, существенным препятствием для разработки психологией собственной методологии на современном этапе является ориентация на те методологические установки, которые сложились в философии науки на основе реализации естественнонаучного подхода, претендующего на статус общенаучного. Такой подход не учитывает специфики психологии и уникальности ее предмета. Вместе с тем нельзя не согласиться с позицией Л. Гараи и М. Кечке, в соответствии с которой бесперспективны попытки построить всю психологию на «герменевтической» логике исторических наук, поскольку на язык герменевтической психологии невозможно перевести наработки естественнонаучной психологии (Л. Гараи, М. Кечке, 1997). Попытки решить вопрос «силовым» путем за счет «логического империализма» есте-

ственна научной или герменевтической парадигмы ни к чему, как убедительно показала история психологии XX столетия, не привели. Сегодня совершенно ясно, что ни к чему, кроме углубления кризиса в психологии подобная конфронтация привести не может. В таких условиях становится чрезвычайно актуальной разработка такой общепсихологической методологии, которая бы предполагала возможность взаимного соотнесения психологических концепций, исходящих из различного понимания предмета психологии. Новая методология должна быть коммуникативной, т.е. предполагать возможность соотнести различные подходы на основе единого «операционного стола» (М. Фуко).

Одной из ключевых проблем методологии современной психологии является проблема соотношения теории и метода в психологии. Сам факт связи теории и метода в психологии «в общем виде» сомнению не подлежит: многие авторы говорили не только о наличии подобного рода связи (К.А. Абульханова, М.Я. Басов, Л.С. Выготский, В.Н. Дружинин, Ю.М. Забродин, Н.Н. Ланге, Б.Ф. Ломов, С.Л. Рубинштейн, С.Д. Смирнов, Г.И. Челпанов и др.), но и об «единстве теории и метода» (А.Н. Ждан, Ю.М. Забродин, Б.Ф. Ломов). В действительности в современной психологии отсутствуют исследования, посвященные выявлению конкретных механизмов, обеспечивающих связи теории и метода в психологическом исследовании. Таким образом в психологической методологии возникает реальный разрыв, который препятствует научному пониманию логики психологического исследования. Важно подчеркнуть, что этот разрыв абсолютно не случаен. В психологии исторически сложилось так, что исследования по проблемам теории и метода относились к разным контекстам: теория в основном анализируется, когда речь идет о науке как концептуальной структуре, проблема методов раскрывается, когда исследуется наука как деятельность. В результате оказывается, что соотношение теории и метода в психологической методологии лишь «подразумевается», тогда как конкретные формы и механизмы связи теории и метода фактически остаются нераскрытыми. Не удивительно, что такое положение

ловек. Власть. Общество: Материалы Азиатско-Тихоокеанского Международного конгресса психологов. 21-24 мая 1998 года. Хабаровск: Дальний Восток, 1998. С. 53-59.

25. Мазиллов В.А. Блаженное наследство // Ярославский педагогический вестник: научно-методический журнал, 1998, № 2. С. 170-176.

26. Мазиллов В.А. Педагогическое мышление: попытка формирования творческого подхода к осуществлению деятельности // Психология педагогического мышления: теория и эксперимент: Сб. статей. М.: ИП РАН, 1998. С. 68-79.

27. Мазиллов В.А. Карл Густав Юнг и методологические проблемы современной психологии // Психологическое обозрение. 1998. № 2. С.100-102.

28. Мазиллов В.А. Утраты и обретения: Еще раз о предмете научной психологии // Психология и практика: Ежегодник Российского Психологического Общества. Т. 4, выпуск 5. / Отв. ред. А.В. Карпов, В.А. Мазиллов. Ярославль: ЯрГУ, МАПН, Российское Психологическое Общество, 1998. С. 49-54.

29. Мазиллов В.А. Человек в меняющемся мире: Необходимость перемен в научной психологии // Психология и практика: Ежегодник Российского Психологического Общества. / Отв. ред. А.В. Карпов, В.А. Мазиллов. Т. 4. Вып. 5. Ярославль: ЯрГУ, МАПН, Российское Психологическое Общество, 1998. С. 54-59.

30. Панкратов А.В., Мазиллов В.А. Практическое мышление: проблемы и перспективы // Психология и практика: Ежегодник Российского Психологического Общества. Т.4, выпуск 5 / Отв. ред. А.В. Карпов, В.А. Мазиллов. Ярославль: ЯрГУ, МАПН, Российское Психологическое Общество, 1998. С. 166-179.

31. Мазиллов В.А. Психология практического педагогического мышления как романтическая наука // Психология педагогического мышления: теория и практика. М.: ИП РАН, 1998. С. 66-81.

32. Мазиллов В.А. Пятая психология // Проблемы психологии и эргономики. № 1. 1999. С.17-20.

33. Мазиллов В.А. Психология: на пороге XXI века // Психотехнологии в социальной работе / Под ред. В.В. Козлова. Яро-

дагогический вестник: научно- методический журнал, 1997, № 1 (7). С. 33-38.

14. Мазиллов В.А. Кирпичи и камень // Творчество воли / Под ред. В.В. Козлова М.: МАПН, 1997. С. 40-65.

15. Мазиллов В.А. Об уровнях психологического метода // Творчество воли / Под ред. В.В. Козлова М.: МАПН, 1997. С. 133-138.

16. Мазиллов В.А. О соотношении теории и метода в психологии // Методологические и технологические основы современной социальной работы в России. Сборник докладов конференции 28-30 сентября 1997 г. Ярославль: ЯрГУ, 1997. С. 54-70.

17. Мазиллов В.А. О психологии созидания // Бюллетень Международной Академии Психологических наук. Выпуск пятый. Саратов-Ярославль: Изд-во Саратовского педагогического института, 1997. С. 22-26.

18. Мазиллов В.А. Б.Г. Ананьев и современная психология // Ярославский педагогический вестник: научно-методический журнал, 1997, № 4. С. 50-56.

19. Mazilov V.A. About Methodology of Russian Psychology of Today // Psychological Pulse of Modern Russia. Moscow-Jaroslavl: International Acad. of Psychology, 1997. P. 126-134.

20. Мазиллов В.А. К проблеме уточнения предмета психологии для русских учебников // Вестник Балтийской Академии. Актуальные проблемы развития практической психологии в России. Вып.19. СПб: БПА, 1998. С. 21-23.

21. Мазиллов В.А. О методологии современной российской психологии // Психологический пульс Ярославля. Ярославль: МАПН, 1998. С. 170-180.

22. Мазиллов В.А. Современная российская психология: поиски новой методологии // Психотехнологии в социальной работе / Сб. под ред. Козлова В.В. Ярославль: МАПН, 1998. С. 116-140.

23. Мазиллов В.А. Психология: шизофрения как и было сказано // Психотехнологии в социальной работе / Сб. под ред. В.В. Козлова Ярославль: МАПН, 1998. С. 140-173.

24. Мазиллов В.А. К.Г. Юнг и современная психология // Че-

вещей порождает целый ряд вопросов. Многие авторы подчеркивают определяющую роль теории в этом соотношении. Но теория выступает результатом научного исследования, тогда как методы являются средством получения этого результата и их использование явно предшествует формулировке теории. Очевидно, что научный метод представляет собой целостность, но каково при этом соотношение инвариантного и вариативного в его структуре, чем именно определяется модификация метода в том или ином конкретном исследовании до сих пор не вполне понятно. Не вполне ясна также связь между эмпирическими и теоретическими методами в психологии. Решить вопрос об отношении эмпирических и теоретических методов можно только в том случае, если будет выяснено соотношение теории и метода. Незавершенность данного вопроса является существенным препятствием для решения ряда важных историко-психологических вопросов.

Эти соображения побудили обратиться к исследованию проблемы соотношения теории и метода в психологии. Без разработки модели соотношения, учитывающей специфику предмета психологии, невозможно реальное соотнесение результатов, полученных при разных подходах, в разных научных направлениях.

Методологическая основа исследования. В проводимом исследовании автор следовал традиции содержательной методологии психологии, заложенной в работах выдающихся отечественных ученых Н.Н. Ланге, В.Н. Ивановского, Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна и др. Методологической основой проводимого исследования послужили работы К.А. Абульхановой, Н.Г. Алексеева, Б.Г. Ананьева, В.А. Барбанщикова, А.В. Брушлинского, В.Н. Дружинина, Е.А. Климова, Б.Ф. Ломова, М.С. Роговина, В.Д. Шадрикова, Э.Г. Юдина, М.Г. Ярошевского и др., в которых исследуются закономерности формирования и развития научного психологического знания. Автор исходил из известного положения С.Л. Рубинштейна, согласно которому методологию необходимо разрабатывать на исторической основе. Поэтому в данном исследовании использовался историко-методологический подход к анализу проблемы

теории и метода в научной психологии.

Цель исследования состояла в разработке концепции соотношения теории и метода в психологии периода ее становления как самостоятельной науки. Для достижения этой цели было проведено специальное историко-методологическое исследование, что потребовало решения следующих **исследовательских задач**:

1. Проанализировать процессы выделения психологии из философии в самостоятельную дисциплину, становления и первоначального развития научной психологии и выявить роль методов в этих процессах. Для решения этой задачи необходимо расширение контекста анализа (необходимо рассмотреть не только внутреннюю, но и внешнюю историю выделения, проанализировать неудавшиеся попытки выделения).

2. Выделить и проанализировать основные методы, используемые научной психологией в период ее становления как самостоятельной науки, подвергнуть специальному анализу вариативность (наличие инвариантного и вариативного) методов. Такой анализ позволит выявить основные детерминанты, обуславливающие внутреннюю конструкцию метода.

3. Выявить основные особенности психологических теорий (на примере теорий мышления) во второй половине XIX столетия. Для решения этой задачи необходим сравнительный анализ сопоставимых теорий (теорий одного уровня).

4. Проанализировать взаимосвязи эмпирических и теоретических методов в психологии периода становления как самостоятельной науки.

5. Разработать на основе проведенного исследования теоретическую модель соотношения теории и метода в психологии второй половины XIX столетия.

Объект исследования: психологическая наука в период выделения в самостоятельную дисциплину, независимую от философии.

Предметом исследования явилось соотношение теории и метода в психологии второй половины XIX столетия.

Основные гипотезы исследования. Исходным предполо-

тов. / Под ред. В.Д. Шадрикова. М.: Просвещение, 1990. С. 101-121.

3. Мазилев В.А. Проблема мышления в гештальтпсихологии // Познавательные процессы: теория, эксперимент, практика. Ярославль: ЯрГУ, 1990. С. 66-75.

4. Мазилев В.А. К проблеме теории и метода в психологии // Познавательные процессы и личность в норме и патологии. Ярославль: ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 1995. С. 35-39.

5. Мазилев В.А. Карл Густав Юнг: возвращение в Россию // Психотехнологии в социальной работе. Вып.1. / Под ред. В.В. Козлова. Кострома: МАПН, 1996. С. 43-53.

6. Мазилев В.А. Вокруг стены // Ребенок и пространство: Семь шагов к истине./ Под ред. В.В. Козлова. М.: МАПН, 1996. С. 27-31.

7. Мазилев В.А. Русская православная философия, философская психология и методологические проблемы современной психологии// Ребенок и пространство: Семь шагов к истине / Под ред. В.В. Козлова. М.: МАПН, 1996. С. 58-71.

8. Мазилев В.А. Принцип системности и психическая деятельность// Ярославский педагогический вестник: Научно-методический журнал, 1996, № 3 (6). С. 32-35.

9. Мазилев В.А. Слово о Льве Семеновиче Выготском // Ярославский педагогический вестник: Научно-методический журнал, 1996, № 3 (6). С. 132-134.

10. Мазилев В.А. Проблема метода в психологии: Статья первая // Психотехнологии в социальной работе / Под ред. В.В. Козлова. Вып.2. Ярославль: МАПН, 1997. С. 20-27.

11. Мазилев В.А. Стены и мосты // Психотехнологии в социальной работе / Под ред. В.В. Козлова. Вып.2. Ярославль: МАПН, 1997. С. 96-103.

12. Мазилев В.А. Психология: воспоминание о будущем? // Бюллетень Международной Академии психологических наук. Вып.4. Саратов-Ярославль: Изд-во Саратовского госпедуниверситета, 1997. С. 130-132.

13. Мазилев В.А. О предмете психологии // Ярославский пе-

гого исследования. Такое наложение схем позволяет обнаружить перспективное направление в анализе теоретических методов, которые в психологии последующих периодов получают широкое распространение.

11. Переходной к теориям современного типа является концепция мышления в Вюрцбургской школе. На материале эволюции этой психологической школы может быть продемонстрирован переход к такому объяснению, которое лежит в основе теорий более позднего периода.

12. Связь теории и метода в психологии периода становления психологии как самостоятельной науки может быть представлена в виде модели, которая отображает взаимоотношения предтеории как с методами, используемыми в психологическом эмпирическом исследовании, так и с теорией как результатом научного исследования.

13. Проведенное исследование открывает перспективы разработки обобщенной универсальной модели соотношения теории и метода в психологии, которая включала бы как характеристику деятельности исследователя (наука как деятельность), так и соотношение теории и метода внутри концептуальной системы.

14. Проведенное исследование позволило по-новому рассмотреть целый ряд историко-психологических вопросов (предыстория психология, разграничение научной, философской и философско-психологической интроспекции и т.д.).

15. Разработка вопроса о соотношении теории и метода в психологии является необходимой составляющей общей методологии психологии, которая необходима для выхода из методологического кризиса.

Положения диссертации отражены в следующих **основных публикациях автора**:

1. Мазилев В.А. Теория и метод в психологии: период становления психологии как самостоятельной науки. Монография. Ярославль: МАПН, 1998. 356 с.

2. Мазилев В.А. Мышление // Познавательные процессы и способности в обучении: Учебное пособие для студентов пед. ин-

жением настоящей работы явилось положение, согласно которому теория может ограничивать зону поиска конкретного исследования не только через формулировку определенных гипотез (что достаточно хорошо известно), но и через селекцию методов. Возможность для этого создает наличие предтеории, являющейся общим основанием, определяющим, с одной стороны, выбор методов, с другой, превосходящим формулирование собственно теории. Гипотеза, которая подлежит проверке в исследовании в рамках настоящей работы, состоит в том, что метод на разных уровнях – идеологическом, модельном (предметном), процедурном – обусловлен разными компонентами структуры предтеории, что позволяет объяснить как конкретную структуру метода в той или иной исследовательской программе, так и наличие инвариантных и вариативных подструктур внутри метода. Другой гипотезой выступило положение, что теоретический метод в психологии должен иметь тесную генетическую связь с эмпирическими методами: мы предположили, что основой для взаимодействия указанных методов является процедура интерпретации.

Научная новизна исследования состоит в том, что проблема теории и метода в психологии впервые подвергается специальному историко-методологическому анализу. Обычно теория и метод рассматриваются в различных контекстах: теория анализируется, когда речь идет о науке как концептуальной структуре, проблема методов раскрывается, когда исследуется наука как деятельность. Новизна подхода в данном исследовании состоит в том, что проблема соотношения теории и метода анализируется в рамках науки как концептуальной системы. Это позволило получить новые данные об отношении между теорией и методом в психологии и на их основе разработать модель соотношения теории и метода, характерную для ранних этапов развития психологии как самостоятельной научной дисциплины.

Теоретическое значение работы состоит в том, что впервые в отечественной психологической науке специальному методологическому исследованию подвергается проблема соотношения теории и метода в психологии. Историко-методологическое ис-

следование использования методов в психологии второй половины XIX столетия, а также особенностей теорий в психологии этого периода позволило получить ряд новых результатов. Выявлено наличие предтеории – комплекса исходных представлений, предшествующих как проведению эмпирических исследований, так и формулированию собственно теории как результату исследования. Выявлены основные элементы, входящие в структуру предтеории. Единство теории и метода достигается за счет того, что элементы предтеории определяют различные уровни метода. Можно говорить о трех уровнях метода. Это в свою очередь позволяет понять, как в методе соединяется инвариантное и вариативное, нормативное и дескриптивное.

Историко-психологическое исследование и историко-методологический анализ позволил по новому интерпретировать предысторию формирования научной психологии, обстоятельства ее выделения в самостоятельную дисциплину, первые этапы ее самостоятельного развития в качестве специальной науки. В частности, выделение внешней и внутренней истории становления психологии позволило по-новому оценить роль метода эксперимента в приобретении психологии статуса научной. Методологическая проработка темы позволила также уточнить ряд собственно историко-психологических вопросов. Расширение контекста анализа процесса вычленения психологии из философии позволило получить новые историко-психологические данные, касающиеся роли методов психологии, по-новому оценить роль методов в истории становления психологии как самостоятельной науки. Описаны варианты метода интроспекции и метода эксперимента, прослежена их эволюция. Это заставляет внести важное уточнение в широко распространенные представления, например, о «классической интроспекции» (Э. Боринг): правильнее говорить о целой группе методов, имеющих существенные различия. Развиваемый в исследовании уровневый подход к анализу метода позволяет внести ясность в этот вопрос: сходство между разными вариантами интроспекции существует лишь на идеологическом уровне, на предметном и процедурном между ними обнаружива-

гическим уровнем, становится понятно, что, ограничиваясь только этим уровнем, мы лишаемся возможности понять специфику той или иной разновидности метода. В частности, выделение метода «классической интроспекции» (Э. Боринг) не позволяет раскрыть своеобразие интроспективных процедур в разных психологических направлениях. Иными словами, как инвариантный метод выступает только на идеологическом уровне, тогда как на предметном и процедурном является вариативным.

8. Проведенное исследование позволило уточнить вопрос о «нормативности» – «дескриптивности» эмпирического метода в психологии. Выявлено, что метод по-разному выступает на разных уровнях, что способствует появлению разноречивых оценок: на идеологическом уровне метод предстает как нормативный, тогда как на предметном как дескриптивный.

9. Проведенное исследование позволило дать достаточно определенный ответ на вопрос о соотношении эмпирических методов в психологическом исследовании. В психологии достаточно распространена ситуация, когда в исследовании одновременно используется несколько эмпирических методов. Известны многочисленные дискуссии, можно ли считать использование метода эксперимента критерием появления собственно экспериментальной психологии. Уровневое представление о методе позволяет дать однозначный ответ: ведущий метод обязательно представлен на идеологическом уровне, дополнительный метод «взаимодействует» с ведущим, дополняет его на предметном и процедурном уровнях. Таким образом, появляется возможность разграничить ведущий и вспомогательный (дополнительный) методы.

10. Историко-методологический анализ позволяет подойти к проблеме генезиса теоретических методов в психологии. Во второй половине прошлого столетия в качестве прототипа современных теоретических методов психологии выявлен метод интерпретации. Эмпирический материал, полученный в конкретном исследовании, может быть интерпретирован посредством объясняющей категории не совпадающей с базовой категорией. Интерпретирующая схема может быть сформирована на материале дру-

необходимого эмпирического материала. Особенно важно, что может быть установлено соответствие между компонентами предтеории и уровнями метода (идеологическим, предметным, процедурным). Выявлено, что идея метода определяет идеологический уровень, базовая категория и организующая схема – предметный, моделирующие представления – процедурный уровень метода.

5. Первоначально концепции в научной психологии имели основополагающий, конституирующий характер. Это выражалось в том, что соотношение «предтеория» – «метод» – «теория» имело линейный характер и представляло собой законченный цикл. Тем не менее уже в анализируемый исторический период появляется новое соотношение: сконструированная теория начинает «корректировать» предтеорию нового цикла исследований. Цикл исследования становится замкнутым: «предтеория» – «метод» – «теория» – «предтеория-1» – «метод-1» и т.д. Таким образом появляется отношение, когда теория непосредственно начинает определять характеристики используемых методов.

6. Проведенное исследование позволило выявить и описать условия, обеспечивающие возможность перехода к теоретическому анализу в психологии. Основным условием такого перехода является несовпадение базовой и объясняющей категорий и, следовательно, организующей и объясняющей схем исследования. Новый этап развития психологии начинается в исследованиях Вюрцбургской школы: психология перестает быть непосредственной наукой – появляется как первый вариант опосредствованного метода (проведение вспомогательного моделирующего эксперимента), так и зарождение теоретических методов анализа. Теоретический метод связан с использованием схемы интерпретации-объяснения.

7. Проведенное исследование позволило в значительной степени по-новому рассмотреть вопрос об инвариантности-вариативности психологического метода. Основой такого понимания является рассмотрение метода как имеющего уровневое строение. Поскольку название метода обычно связано с идеоло-

ются чрезвычайно важные различия. Методологический анализ позволил уточнить решение других историко-психологических вопросов. В частности, когда в исследовании используется сочетание методов, трудно бывает определить, какой из них является ведущим, что вызывает противоречивые историко-психологические оценки. В исследовании разработаны критерии, позволяющие выявлять ведущий метод. Выделение уровней метода позволило однозначно решить проблему: поскольку ведущий метод имеет отношение к реальному предмету исследования, то он представлен идеологическим уровнем, дополнительный метод взаимодействует с основным на предметном и процедурном.

Практическое значение работы заключается в том, что на основе результатов, полученных в диссертационном исследовании, разработаны программы учебных курсов, читаемых в Ярославском государственном педагогическом университете им. К.Д. Ушинского, в Ярославском государственном университете им. П.Г. Демидова, Костромском государственном университете им. Н.А. Некрасова. Основные результаты научных исследований по теме диссертации получили отражение в курсе «История психологии», читаемом на отделении «педагогика и психология (дошкольная)» педагогического факультета ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, в курсе «История психологической мысли», читаемом в рамках специализации по практической психологии на отделении «педагогика и методика начального образования» педагогического факультета ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, в курсе «Методологические вопросы психологии» и «Методика преподавания психологии» на психологическом факультете ЯрГУ им. П.Г. Демидова.

Результаты также используются в содержании учебных курсов «Общая психология», «Психология человека», «Методология и методы психологического исследования», «Практическая психология», «История психологии», проводимых в Ярославском государственном педагогическом университете им. К.Д. Ушинского, Ярославском государственном университете им.

П.Г. Демидова, Костромском государственном университете им. Н.А. Некрасова.

Апробация работы. Основные результаты проведенного исследования неоднократно обсуждались на различных научных конференциях, съездах и симпозиумах: на Первом (1994, Москва) и Втором (1998, Ярославль) Съездах Российского Психологического Общества, VI (1983, Москва) и VII (1989, Москва) Съездах Общества Психологов СССР, на Международной конференции, посвященной памяти А.Р. Лурии (1997, Москва), на I Международных психологических чтениях, посвященных 60-летию харьковской психологической школы (Харьков, 1993), на всероссийских и межвузовских конференциях в Костроме (1997, 1998), Курске (1995), Санкт-Петербурге (1998), Хабаровске (1998), Ярославле (1996, 1997, 1998, 1999) и др.

Результаты исследований неоднократно докладывались на заседаниях кафедры педагогики и психологии начального обучения ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, на заседаниях кафедр общей психологии, социальной и политической психологии, социальных технологий ЯрГУ им. П.Г. Демидова, кафедре психологии КГУ им. Н.А. Некрасова.

Положения, выносимые на защиту.

1. Существуют реальные механизмы, обеспечивающие единство теории и метода в психологической концепции, основой которого является «предтеория»: совокупность исходных представлений, определяющая основные характеристики эмпирического исследования и предшествующая как проведению эмпирического исследования, так и формулированию собственно теории. Предтеория представляет собой инвариант, в структуру которого входят: опредмеченная проблема (исследуемая проблема в соответствии с предметом науки, который определяет идею, принцип метода), базовая категория, задающая организационную схему исследования (как структурного, функционального, процессуального и т.д.), моделирующие представления, определяющие совокупность конкретных исследовательских процедур.

2. Методы, традиционно используемые в психологии (в

1. Между теорией и методом в психологии второй половины XIX столетия существует столь тесная взаимосвязь, что правомерен тезис о единстве теории и метода. Единство теории и метода выступает важнейшим фактором, обеспечивающим целостность психологического исследования. Могут быть выделены и описаны конкретные механизмы, обеспечивающие единство, тесную взаимосвязь теории и метода в психологии.

2. Ядром, обеспечивающим единство теории и метода в психологии в рассматриваемый исторический период, выступает предтеория – комплекс исходных представлений, являющихся основой для проведения эмпирического психологического исследования. Предтеория предшествует не только теории как результату исследования, но и самому эмпирическому исследованию. Предтеория представляет собой структурный инвариант. В структуру предтеории представлены: идея метода, базовая категория, организующая схема, моделирующие представления.

3. Предтеория является не только основой для формулирования, развития собственно теории, но и фундаментальным основанием для выбора того или иного ведущего эмпирического метода исследования.

4. Метод представляет собой целостное образование, в котором тем не менее может быть выделено несколько уровней. В исследовании выявлено, что метод в психологии в рассматриваемый исторический период имеет уровневое строение. В методе можно выделить по меньшей мере три уровня (идеологический, предметный, процедурный). Идеологический уровень характеризует общую ориентацию исследования (направленного на изучение либо самосознания, либо поведения), предметный раскрывает подход к предмету изучения как содержательному (определяемому через его структурные, функциональные, процессуальные и т.д. свойства) и сводящий предмет изучения к конкретной модели, имеющей какое-либо наглядное содержание («замыкаемое» на конкретную ситуацию). Процедурный уровень определяет последовательность конкретных исследовательских процедур и конкретных методических приемов, направленных на получение

ления). Этот вариант представляет собой модель возникновения теоретического психологического метода. Этап интерпретации в этом случае «отделяется» от собственно эмпирического исследования и тем самым создается возможность использовать психологический анализ (теоретический, поскольку в основе в данном случае лежат представления о процессе) применительно к любому материалу (фактам эмпирического исследования, явлениям повседневной жизни, «сконструированным» фактам и т.д.). Таким образом, происходит переход от *интерпретации* к *способу обращения с темой*. В данном случае мы имеем дело с научным методом, который отличается от философского умозрительного, в первую очередь, тем, что является производным от эмпирического научного метода, можно сказать, основан на нем. Тем самым сохраняется предметная специфика, что является своего рода «подтверждением правомерности» подобной процедуры. Вместо интерпретирующей схемы теперь может использоваться собственно объясняющая.

Методологическое исследование позволило разработать модель соотношения между теорией и методом. На самых первых этапах – когда концепции носят конституирующий, основополагающий характер, соотношение является линейным, а цикл представляется законченным: предтеория – метод – теория. Дальнейшее развитие приводит к тому, что окончание цикла становится лишь промежуточным этапом, поскольку инициирует новый цикл: предтеория – метод – теория – предтеория-1 – метод-1 – и т.д. Примером такого соотношения в анализируемый исторический период является работа психологов Вюрцбургской школы.

Представленная в диссертации модель соотношения теории и метода отражает специфику психологии второй половины XIX столетия (разд. 4.6.) и не претендует на универсальность.

В **Заключении** подводятся основные итоги проведенного исследования, формулируются его выводы, намечаются перспективы дальнейших исследований.

Проведенное исследование позволило сделать следующие основные выводы:

частности, самонаблюдение и эксперимент), внутренне неоднородны. Методы научной психологии имеют существенные отличия как от аналогичных методов предшествующей психологии (донаучной и философской), так и от аналогичных методов физиологии, психофизиологии и психофизики. «Классическая интроспекция» (Э. Боринг) включает в себя целую группу разновидностей. Адекватным описанием существующего парадоксального «разнообразия в единстве» может служить уровневый подход к анализу методов. Научный психологический метод представляет собой целостное образование, в котором могут быть выделены по крайней мере три уровня: идеологический, предметный, процедурный. Идеологический уровень характеризует общую ориентацию исследования (направленного на изучение либо самосознания, либо поведения), предметный раскрывает подход к предмету изучения как содержательному (определяемому через его структурные, функциональные, процессуальные и т.д. свойства) и сводящий предмет изучения к конкретной модели, имеющей какое-либо наглядное содержание («замыкаемое» на конкретную ситуацию). Процедурный уровень определяет последовательность конкретных исследовательских процедур и конкретных методических приемов, направленных на получение необходимого эмпирического материала.

3. Предтеория выступает основной детерминантой наиболее существенных характеристик метода. Метод в психологии в рассматриваемый исторический период имеет уровневое строение. Может быть установлено соответствие между компонентами предтеории и уровнями метода (идеологическим, предметным, процедурным). Идея метода определяет идеологический уровень, базовая категория и организующая схема – предметный, моделирующие представления – процедурный уровень метода. Выявление структуры предтеории и уровней метода позволяет внести ясность в проблемы, которые являются в психологии дискуSSIONными: инвариантность либо вариативность метода, его нормативность либо дескриптивность. Метод на идеологическом уровне выступает как инвариантный и нормативный, на предмет-

ном и, тем более, процедурном может характеризоваться как вариативный и дескриптивный.

4. Для психологии периода ее становления как самостоятельной научной дисциплины может быть построена модель соотношения теории и метода. В данный исторический период психология представляла собой непосредственную науку. Научная психология делала свои первые шаги и концепции носили конституирующий характер. Тем не менее в указанный исторический период появляется новое соотношение: сконструированная теория начинает «корректировать» предтеорию нового цикла исследований. Цикл исследования становится замкнутым: «предтеория» – «метод» – «теория» – «предтеория-1» – и т.д. Таким образом появляется отношение, когда теория непосредственно начинает определять характеристики используемых методов.

5. Выявлены и описаны условия, обеспечивающие возможность перехода к теоретическому анализу в психологии. В качестве основного условия выступает несовпадение базовой и объясняющей категорий и, соответственно, организующей и объясняющей схем. Новый этап развития психологии начинается в исследованиях Вюрцбургской школы: психология перестает быть непосредственной наукой – появляется как первый вариант опосредствованного метода (проведение вспомогательного моделирующего эксперимента), так и зарождение теоретических методов анализа. Теоретический метод связан с использованием схемы интерпретации-объяснения.

6. Анализ соотношения теории и метода в психологии позволяет по-новому трактовать предысторию научной психологии, выделение психологии в самостоятельную дисциплину и первые этапы развития психологии как самостоятельной науки: научная психология была конституирована благодаря применению метода научной интроспекции. Первым вариантом научной интроспекции было структурное самонаблюдение, впервые использованное в физиологической психологии В. Вундта.

7. Разработка вопроса о соотношении теории и метода в психологии, а также построение типологии такого соотношения яв-

психологических концепциях периода становления психологии как самостоятельной дисциплины может быть представлена следующим образом. Полученный эмпирический материал подлежит *интерпретации*. Первоначально интерпретация предполагает упорядочение данных посредством интерпретирующей категории. Производной от интерпретирующей категории является интерпретационная (объяснительная) схема. В качестве таковых выступают на первых этапах те же самые категории: структура, функция и процесс. В таких случаях протоколы опыта «редактируются» (по удачному выражению психологов Вюрцбургской школы). Интерпретация здесь, фактически, сводится к тому, что эмпирические данные упорядочиваются в направлении, заданном интерпретирующей категорией. На ранних этапах развития психологии как самостоятельной науки базовая категория и интерпретирующая категории совпадают. В этом случае продуктом интерпретации является описание. Его в психологии рассматриваемого периода называют теорией. Если ставится задача объяснения, то возможны варианты: первый – объяснение за счет обращения к физиологии. Реально объяснение в этом случае чаще всего ограничивается декларативным указанием на возможность объяснения (объяснения в действительности не происходит). Второй вариант состоит в том, что кроме интерпретации посредством категории, совпадающей с базовой, дополнительно происходит реинтерпретация посредством другой категории.

Особый интерес в плане интересующей нас темы представляет тот вариант, когда в качестве интерпретирующей категории выступает категория «процесс». Фактически, происходит интерпретация материала, полученного исходя из одной категории (структура), посредством другой (процесс). Этот случай чрезвычайно важен, т.к. позволяет сформулировать гипотезу о происхождении теоретического метода (разд. 4.5.). В работе Н. Аха (N. Ach, 1905) протоколы экспериментов, полученные в результате использования метода систематического экспериментального самонаблюдения интерпретируются с позиций теории детерминирующей тенденции (как процессуальной характеристики мыш-

ставлено в виде схемы (рис.2).

Единство теории и метода достигается за счет того, что теория как результат исследования и метод как средство осуществления исследования имеют общие корни, которые могут быть обнаружены в предтеории (отдельные компоненты предтеории определяют различные уровни метода). Отсюда становится ясно, почему в одном случае используется, к примеру, «структурный» вариант самонаблюдения, нацеленный на выделение и описание элементов психического явления, тогда как в другом случае используется «функциональный» вариант самонаблюдения. Наличие уровней в структуре метода позволяет по новому подойти к проблеме инвариантности и вариативности метода.

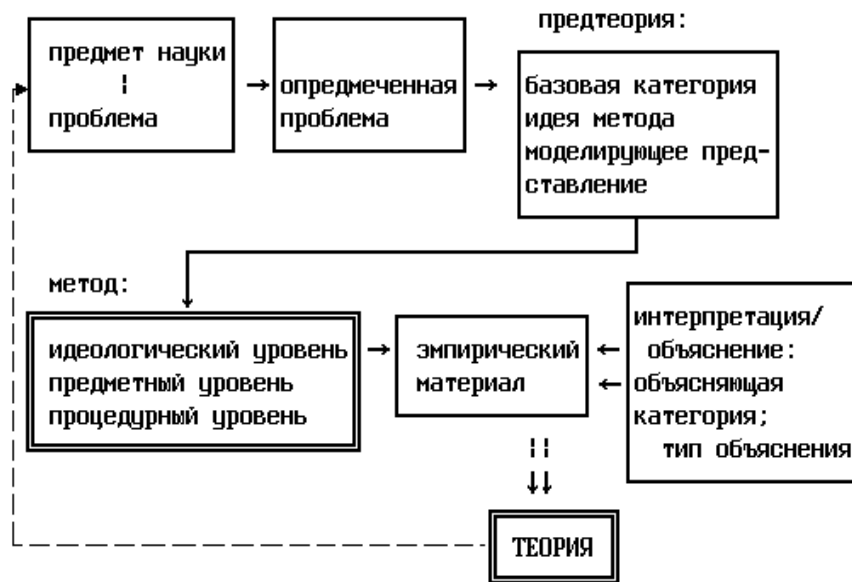

Рис 2. Модель соотношения теории и метода в психологии (период становления психологии как самостоятельной науки)

Применение того или иного метода позволяет получить эмпирический материал. Описание как функция и задача науки в

ляется необходимым условием для разработки общей методологии психологической науки.

Структура работы. Диссертация состоит из «Введения», четырех глав и «Заключения», изложенных на 395 страницах. Список использованной литературы включает 432 названия, в том числе 87 на иностранных языках.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении раскрываются актуальность, научная новизна, теоретическое значение и практическая значимость проведенного исследования, определяются цели и задачи работы, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе «В поисках теории развития психологии» дается анализ современного состояния психологической науки, констатируется наличие большого количества нерешенных проблем, относящихся к различным видам психологического знания (предметному психологическому знанию, методологическому, историко-психологическому). Отмечается, что в настоящее время психология, к сожалению, еще не располагает общей теорией собственного развития. По авторитетному свидетельству многих известных ученых, психология на пороге XXI века вновь вступила в период обострения методологического кризиса. Наиболее яркие проявления кризиса в конце столетия в состоят во «внутрипсихологических диссоциациях», основными из которых являются две: противостояние естественнонаучной и герменевтической (гуманистической) ориентаций в психологии (Л. Гараи, М. Кечке, М. Коул, Е.Д. Хомская и мн.др.); противостояние научной, академической психологии и психологии практико-ориентированной, психотехники (Ф.Е. Василюк, В.М. Розин и др.). В обоих случаях выход из кризиса не может быть достигнут «силовым» путем, за счет сведения всей психологии к одной из ее половин. Выход из кризиса может быть достигнут через разработку методологических проблем психологии: глубинная причина кризисных явлений в психологии в нерешенности именно

методологических проблем (и, вообще, в недостаточном внимании к ним). Без рассмотрения этих вопросов не может быть удовлетворительно решен ни вопрос о демаркации в психологии (разд. 1.1.), ни вопрос о соотношении психологической науки и психологической практики (разд. 1.4.). Констатируется, что для понимания логики развития психологической науки, для разработки общей теории развития психологии необходимо исследование комплекса методологических вопросов. Среди них один из центральных – вопрос о соотношении теории и метода в психологии. Анализ, проведенный в диссертационном исследовании, позволяет утверждать, что методологическим вопросам в современной отечественной психологии уделяется явно недостаточное внимание. В настоящее время в психологии явно заметны тенденции, которые в конечном счете приводят к редукции методологии, «снятию» в той или иной форме методологических вопросов (разд. 1.5., 1.2.). Одна из них связана с фактическим отождествлением всей методологии психологической науки с философским уровнем, что является основанием для утверждений об идеологизированности методологии. На этом основании предлагается свести методологию психологии как науки к вопросам проведения конкретного психологического исследования. Между тем методология современной психологии (как отечественной, так и зарубежной) производит впечатление концепции, границы которой понимаются достаточно узко. В современной психологии заметны тенденции ограничить сферу методологии психологии еще в большей степени. Исследователи, ориентирующиеся на американскую психологию, стремятся ограничить рамки методологии чисто техническими вопросами (планирование и проведения исследования, статистическая обработка результатов). В европейской психологии (где эпистемологические традиции выражены в большей степени) главная проблема ее методологии обычно связывается с проблемой объяснения (Ж. Пиаже, 1966). Не умаляя значения проблемы объяснения, отметим, что не менее важной методологической проблемой психологии является проблема соотношения теории и метода в психологии. «Центрация»

Можно говорить по меньшей мере о трех уровнях метода. На первом уровне метод выступает как идеологический, т.е. на этом уровне выражается общий принцип («идея») метода. Этот уровень, в основном, определяется идеей метода как компонентом структуры предтеории, который, в свою очередь, детерминирован пониманием предмета психологии. На втором уровне метод проявляется как предметный. На этом уровне определяется, что именно будет этим методом изучаться. Скажем, метод интроспекции может быть направлен на выделение содержаний опыта, на фиксацию актов и т.п. Этот уровень определяется таким компонентом предтеории как «базовая категория» – «организационная схема»: понятия «структура», «функция» или «процесс» определяют в конечном счете содержание метода, т.е. какой именно психологический материал будет фиксироваться и описываться. На третьем уровне метод выступает как процедурный, операционный. Любой метод в конечном счете может быть охарактеризован и описан как последовательность или совокупность конкретных процедур. Этот уровень, в основном, определяется таким компонентом предтеории как моделирующие представления. Они определяют не только последовательность действий исследователя и испытуемого, специфические приемы, используемые для того, чтобы фиксировать необходимый эмпирический материал, но даже и выбор стимульного материала. К этому уровню (например, в случае использования метода интроспекции) могут быть отнесены такие специфические технические приемы, которые обеспечивают развернутые подробные показания (использование элементов ретроспекции, активный опрос испытуемого, деление на этапы, стадии, фракции и т.п.) или обеспечивают улучшение восприятия испытуемым переживаний (повторение переживаний, возможность бессознательного опознания, метод перерыва, парциальный метод, метод замедления течения переживаний и т.п.).

Соотношение между теорией и методом в психологии периода ее становления как самостоятельной науки может быть пред-

тип организующей схемы. Организующая схема – способ организации исследования, которое может быть направлено на раскрытие структуры, функции изучаемого явления или на выявление его процессуальных характеристик. (В диссертации показано, что в рассматриваемый период существовали возможности уровневого и генетического анализа, но реализованы не были).

Эмпирический метод выступает как зависимый от предтеории. В структуре предтеории представлена идея метода, которая, в свою очередь, определяется пониманием предмета науки. Если предмет науки – сознание или внутренний опыт, то идея метода, его принцип, определяется через внутреннее восприятие, самонаблюдение. Это означает, что если в данном исследовании будут использоваться другие методы, например, эксперимент, то они будут выступать исключительно в роли вспомогательных, дополнительных, лишь создающих оптимальные условия для внутреннего восприятия. Идеи метода недостаточно, чтобы охарактеризовать метод психологического исследования в целом. Одна и та же идея метода может воплощаться в существенно различающихся вариантах метода. Метод представляет собой сложное образование, имеет уровневую структуру, причем различные уровни связаны с различными компонентами предтеории. Схематически соотношение между компонентами предтеории и уровнями метода можно представить следующим образом (рис. 1).

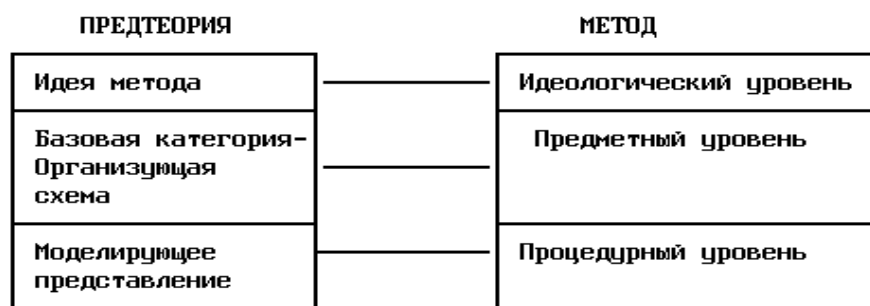

Рис. 1 Схема соотношения между компонентами предтеории и уровнями метода.

на проблеме объяснения обычно выводит соотношение теории и метода «за скобки», тем самым закрывая дорогу для понимания как процесса становления научной концепции, так и для раскрытия неявных источников ее формирования. По нашему мнению, проблема объяснения является производной от проблемы соотношения теории и метода в психологии. Методологические проблемы психологии не могут быть сведены ни к чисто техническим, ни к проблеме объяснения, сколь бы велико ни было ее значение. Напротив, методология психология должна быть содержательной, такой, как ее понимали Н.Н. Ланге, В.Н. Ивановский, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн. Согласно К.А. Абульхановой-Славской, роль методологии заключается не только в указании на то, что должна исследовать данная наука, но и в выработке таких способов, которые кратчайшим путем вели бы познание к выявлению сущности данного круга явлений (К.А. Абульханова-Славская, 1969). Речь, таким образом, идет о выработке типичных для данной науки способов добывания новых знаний, способов раскрытия закономерностей данного круга явлений. Функция методологии заключается поэтому *прежде всего в определении предмета исследования* науки (К.А. Абульханова-Славская, 1969). Методология не составляет предмета психологии, но на ее основе предмет выделяется. Соотношение теории и метода в научной психологии является одной из центральных проблем в методологии психологии (разд. 1.3.).

В работе рассматриваются подходы к решению проблемы соотношения теории и метода в философии и методологии науки, герменевтике и синергетике (разд. 1.6.). Констатируется, что понимание логики развития науки в философии науки основано на материале естественных наук, а в герменевтике, напротив, на материале исторических наук. Последовательное использование схем, разработанных в этих областях методологического знания, может привести (и приводит) лишь к эскалации методологического кризиса в психологии, т.к. в своей основе представляет попытку свести всю психологию к одной из «полупсихологий», т.е. решить проблему с точки зрения «логического империализма»

(Л. Гараи, М. Кечке, 1997), о котором говорилось выше.

В философии науки, герменевтике, интенсивно разрабатываемой в последние годы синергетике отсутствуют адекватные модели, которые можно было бы использовать для представления соотношения теории и метода в психологии (разд. 1.6).

Показано, что без разработки проблемы теории и метода в психологии нельзя решить многих историко-психологических вопросов. Анализ выделения психологии в самостоятельную, независимую от философии дисциплину приводит к постановке этой проблемы. Действительно, согласно общепринятому мнению, научная психология появляется во второй половине XIX столетия. Возникает проблема демаркации: разграничение психологии научной и донаучной. Важно подчеркнуть, что проблема демаркации, в данном случае, по сути, это проблема теории и методов. Согласно С.Л. Рубинштейну, необходимо отличать науку от совокупности сведений: существенным для науки является наличие определенной *системы* знаний, отражающих специфическую логику ее предмета, и специфических адекватных ее предмету *методов* исследования, позволяющих перейти от более или менее случайного накопления знаний к плановому, систематическому их добыванию (С.Л. Рубинштейн, 1940). Анализ подходов к решению этой проблемы показал, что можно выделить по меньшей мере две модели. Согласно первой, восходящей еще к Конту, происходит последовательная смена стадий: научная сменяет предшествующую ей метафизическую. Согласно второй, наиболее полно представленной в работах М.С. Роговина (М.С. Роговин, 1969, 1977), научная психология не сменяет, а сосуществует с предшествующими (донаучной и философской), образуя сложное взаимодействие. Проблема демаркации в психологии, таким образом, не может быть решена без историко-методологического исследования проблемы соотношения теории и метода в психологии: многие авторы напрямую связывают возникновение научной психологии именно с использованием определенных методов (в частности, эксперимента, который сменяет метод интроспекции) (Ю.М. Забродин, 1990, Б.Ф. Ломов, 1990 и

О. Кюльпе, Э. Титченер, Н. Ах и др.), в которых сочетаются инвариантность и вариативность. Дать объяснение этому феномену позволило представление об *уровневом строении метода*. Необходимо различать *теорию* как результат научного исследования и *предтеорию* как комплекс исходных представлений, предшествующих эмпирическому изучению и направляющих исследование. Могут быть выделены следующие компоненты предтеории: *идея метода, базовая категория, моделирующее представление, организующая схема*. Любое исследование начинается с *проблемы*. Проблема предполагает выделение *предмета исследования*. В психологии предмет исследования тесно связан с трактовкой *предмета психологии* в целом. Поэтому в психологическом исследовании реально имеют дело с *опредмеченной проблемой*. В психологии возможно несовпадение декларируемого предмета и реального предмета. Проблема, которая будет исследоваться, должна быть конкретизирована. Конкретизация происходит в двух направлениях: в проблеме необходимо увидеть именно психологический феномен, она должна «опредметиться». Другая важная конкретизация проблемы происходит тогда, когда *опредмеченная проблема соотносится с моделирующими представлениями*. «Мышление» как таковое представляет собой абстракцию, которую невозможно изучать, для этого оно должно во что-то «воплотиться». Это «воплощение» и есть моделирующие представления: решение задачи, соотнесение понятий, понимание выражений, построение умозаключения и т.д. Определенность проблемы (иными словами, латентное присутствие определенной трактовки предмета психологии) определяет *идею метода* (если, например, исследователь исходит из того, что реальный предмет – непосредственный опыт, он, несомненно, будет стремиться использовать метод самонаблюдения в той или иной форме). Выбор формы метода связан с дальнейшими уточнениями. Дальнейшее уточнение состоит в выборе *базовой категории*. Базовая категория определяет общую ориентацию исследования. В качестве базовых категорий, как показали исследования, выступают понятия *структура, функция, акт, процесс*. Базовая категория определяет

ганизирующая и объясняющая схемы при этом могут различаться.

Теории мышления, сформулированные в анализируемый период, были весьма несовершенны. Одномерные схемы оказались бессильны охватить человеческое мышление. Проницательные психологи уже на этом этапе высказывали предположения о более сложном устройстве мышления: Джемс, напомним, говорил о переходных состояниях в сознании (W. James, 1890), Кюльпе в своих последних работах утверждал, что в сознании существуют как функции, так и содержания (O. Külpe, 1915). Однако, теории в этот период рассматривали мышление человека под углом зрения какой-либо одной схемы, время «синтеза схем» еще не наступило.

Проблема соотношения теории и метода не получила адекватного отражения в работах психологов периода становления психологии как самостоятельной науки (разд.3.4.). Для того, чтобы представить реальное отношение между теорией и методом в психологии, необходима специальная методологическая реконструкция. Другой вывод из проведенного историко-методологического исследования состоит в том, что психология так и не стала к началу XX века полностью эмпирической наукой. Выдающиеся психологи (В. Вундт, У. Джемс, Э. Титченер и др.) теперь утверждали, что полностью это вообще неосуществимо (разд. 3.4.).

В четвертой главе «Теория и метод в психологии: попытка построения теоретической модели» представлена реконструкция реального соотношения между теорией и методом в психологии (в период ее становления как самостоятельной науки).

Историко-методологическое исследование показало, что даже чисто эмпирические методы имеют выраженную обусловленность со стороны теоретических представлений. В частности, обнаружилось, что структура интроспекции как эмпирического метода определяется исходными представлениями исследователя об изучаемом явлении. Эмпирические методы использовались в различных модификациях (В. Вундт, Ф. Brentano, У. Джемс,

др.). Вместе с тем анализ историко-психологических данных заставляет сделать достаточно неожиданный вывод: в истории психологии наблюдается не столько изменение «набора» используемых методов, сколько изменение их внутренней структуры, роли в процессе исследования. Возникает некоторое противоречие, разрешить которое может только специальное методологическое исследование, в котором должна выявиться роль методов в становлении научной психологии.

В диссертации обосновывается мысль о том, что можно построить методологию содержательно, на исторической основе. Такая методология одновременно может служить и общей теорией развития психологии. В настоящее время теория развития психологии еще только складывается. Необходимым элементом такой теории должно явиться представление о соотношении теории и метода в научной психологии. В работе анализируются подходы к созданию теории развития психологии (разд.1.7.). Отмечается, что одним из наиболее перспективных подходов является историческая психология науки (М.Г. Ярошевский, 1971, 1993, 1996). Задачи настоящего исследования направлены на разработку того аспекта, который М.Г. Ярошевский называет изучением «глубинных предметно-исторических структур научного мышления», т.е. имеет отношение к «познавательной координате» научного творчества (М.Г. Ярошевский, 1996). Изучение проблемы теории и метода в психологии может осуществляться на различных уровнях. Представляется важным введенное различие (М.Г. Ярошевский, 1974), согласно которому, в научном анализе могут быть выделены два уровня: первый – уровень рефлексии исследователя о собственной деятельности. Результатами такой деятельности исследователя являются методологические замечания и констатации в научных работах. Второй – глубинный, где идет реальная «категориальная» работа. Реалии второго, глубинного уровня могут быть выявлены только с помощью специально организованного исследования, которое направлено именно на выявление специфики методов и теорий (результаты представлены в третьей главе диссертации). В заключительном разделе

ле первой главы (разд. 1.8.) дается анализ проблемы соотношения теории и метода как она предстает в методологической рефлексии исследователей. Проведенный анализ показал, что уже в первые десятилетия развития научной психологии были высказаны существенно различные точки зрения. Одна, идущая от раннего Вундта, утверждала, что психология является чисто эмпирической наукой. Соответственно, теория есть ни что иное как результат упорядочивания полученных в эмпирическом исследовании фактов с помощью логики. (Отметим, впрочем, что сам Вундт в конце жизни изменил свою позицию (В. Вундт, 1913). Таким образом, теория есть результат исследования: само эмпирическое исследование является свободным от каких бы то ни было теоретических влияний. Другая была отчетливо сформулирована Г.И. Челпановым: существует теоретическая и эмпирическая психология, теоретические положения предшествуют проведению эмпирического исследования (Г.И. Челпанов, 1909).

В диссертации представлены результаты проведенного историко-психологического исследования. Анализ методологических высказываний многих авторов (М.Я. Басов, В.М. Бехтерев, П.П. Блонский, Л.С. Выготский, У. Джемс, Х. Инженерос, А.Ф. Лазурский, Н.Н. Ланге, С.Л. Рубинштейн, Г.И. Челпанов и др.) свидетельствует, что между теорией и методами существует тесная связь. О наличии такого рода связи говорится и в исследованиях современных психологов (К.А. Абульханова-Славская, Б.Г. Ананьев, В.Г. Асеев, В.Н. Дружинин, Г.В. Залевский, В.П. Зинченко, А.Н. Ждан, И.И. Иванова, Б.Ф. Ломов, М.С. Роговин, С.Д. Смирнов, Э.Г. Юдин и др.). При этом некоторые авторы (А.Н. Ждан, Ю.М. Забродин, Б.Ф. Ломов и др.) даже утверждают, что имеет смысл говорить об единстве теории и метода.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что проблема соотношения теории и метода нуждается в специальном методологическом исследовании. До сих пор целый ряд важных вопросов не получил необходимого освещения: специального методологического исследования, как это ни удивительно, еще не про-

мышления. Детерминирующая тенденция – характеристика мышления как процесса – является не произвольной гипотезой, а выведена из экспериментальных данных на основе принципиального сходства действия детерминирующих тенденций и постгипнотического внушения. Поэтому можно рассматривать теорию детерминирующих тенденций как полученную с помощью определенных процедур (основанную на эмпирической основе). Теория детерминирующих тенденций становится *инструментом* в анализе экспериментальных данных, полученных с помощью систематического самонаблюдения, становится интерпретатором протоколов. Иными словами, теория становится в полном смысле *объяснительной схемой*. Ах был пионером такого подхода. Реальный метод работы Аха остался за пределами работы, он был непривычен для психологии. Н. Ах уклонился от подробного методологического разъяснения, что и послужило источником недопонимания (G. Humphrey, 1951). У Н. Аха впервые (из всех рассмотренных теорий мышления) можно увидеть работу теоретического психологического метода, состоящего в интерпретации, которую получают результаты других экспериментов (посредством психологической теории). Это «наложение» объяснительной схемы на протоколы экспериментов и полученная таким образом интерпретация могут рассматриваться как зачаточная форма использования теоретического метода в психологии. Наличие очевидной общности организационной и объяснительной схем создает потенциальную возможность для установления преемственности между эмпирическим методом и методом теоретическим. Различие между ними, очевидно, в том, что эмпирический метод (будучи определяем организационной схемой, и, в конечном счете, базовой категорией) направлен на получение эмпирического материала, соответствующего схеме; теоретический же метод (в его элементарной форме) направлен на интерпретацию данных (посредством интерпретационной - объясняющей схемы), полученных независимо от него. Таким образом, функция научного теоретического метода, который только появляется в психологии, состоит на этом этапе в интерпретации данных; ор-

ской школе ранее, когда изучался состав мышления, что привело к открытию в мышлении несенсорных компонентов. Если для структурного исследования мышления возможностей экспериментального самонаблюдения было достаточно, то для раскрытия процесса этого явно недостаточно. Н. Ах выдвигает требование фиксировать как можно точнее и полнее весь процесс, включая предварительный этап, однако ужесточение требований к самонаблюдению не дает необходимого результата: характеристики процесса мышления самонаблюдением в должной степени не фиксируются, поскольку не осознаются испытуемым. В предшествующих психологических концепциях допускалось (и широко использовалось) введение вспомогательных гипотез *ad hoc*. В. Вундт допускал использование гипотез, утверждая, что науки без гипотез не бывает (W. Wundt, 1902). В концепции Н. Аха можно увидеть элементы нового подхода. В несовершенной, еще неразвитой форме там можно увидеть иное понимание теории. Из протоколов опытов по традиционной схеме с использованием систематического экспериментального самонаблюдения извлечь процессуальные характеристики мышления не представлялось возможным, т.к. они испытуемым не осознаются. Ах предпринимает неординарный шаг. Несомненно, он мог бы ввести произвольную гипотезу (в духе прежней психологии) о наличии неких тенденций, которые не осознаются испытуемым. Ах поступает по-иному: он проводит эксперимент, который можно считать моделирующим, в котором испытуемый получает гипнотическое внушение (которое человеком не осознается). Поведение испытуемого избирательно, направленно – он ведет себя так же, как человек решающий задачу, т.е. выбирая нужные возможности, но не осознавая причин такого поведения. Ах делает вывод, что в случае обычного решения задачи также действуют неосознаваемые испытуемым детерминирующие тенденции (действующие аналогично гипнотическому внушению). Различие лишь в том, что детерминирующие тенденции возникают естественно, без специального внушения. Ах формулирует теорию детерминирующих тенденций – процессуальных характеристик

водилось. Это связано с рядом обстоятельств. Во-первых, теория и метод традиционно относятся к различным контекстам: методы исследуются в рамках подхода «наука как деятельность», теория – в рамках подхода «наука как концептуальная структура». Поэтому необходимо спланировать методологическое исследование, предполагающее общий план, в котором возможно такое соотношение. Во-вторых, эту проблему чрезвычайно трудно исследовать в статике: в той или иной современной концепции сложно понять взаимную обусловленность теории и метода. Поэтому для того, чтобы справиться с этой трудностью, целесообразно использовать исторический подход, проанализировав использование методов и теорий, начиная с самых ранних этапов, т.е. с возникновения психологии как самостоятельной науки. Эти обстоятельства определили специфику исследовательского подхода в настоящем исследовании – данная работа носит историко-методологический характер.

Во второй главе «Проблема теории и метода в психологии» определяется специфика подхода к исследованию проблемы в настоящей диссертации, выявляются особенности историко-методологического исследования по сравнению с другими возможностями (историко-психологическим или чисто методологическим), формулируются основные задачи исследования, обосновывается выбор объекта исследования.

Выделены два уровня в рассмотрении вопроса соотношения теории и метода. Первый уровень – уровень рефлексии исследователя о собственной деятельности. Результатами такой деятельности исследователя являются методологические замечания и констатации в научных работах. Вторым уровнем – глубинный, где идет реальная «категориальная» работа. Реалии второго, глубинного уровня могут быть выявлены только с помощью специально организованного исследования, которое направлено именно на выявление специфики методов, теорий и их соотношения. Проведенный в диссертации анализ литературы показал, что первый уровень проблемы неоднократно был предметом научного рассмотрения. Вторым практически *специальному* исследова-

нию не подвергался (работ, в которых бы специально методологическому исследованию подвергалось соотношение теории и метода в психологической науке, в доступной литературе обнаружить не удалось). Из литературных источников, тем не менее, известно, что между теорией и методом в психологии существует соответствие, что дает многим авторам говорить о такой глубине соответствия, какую можно квалифицировать как «единство теории и метода». Вместе с тем, такая формулировка вызывает целый ряд вопросов. Наиболее существенный вопрос, на который необходимо получить ответ, связан с тем, что, как известно, теория является результатом исследования, методы направлены на получение материала для формулирования теории, поэтому явно предшествуют ее созданию. Распространенное представление, согласно которому теория детерминирует выбор метода, нуждается, таким образом, по меньшей мере, в конкретизации или уточнении. Иными словами, сам механизм взаимодействия теории и метода в психологической науке до сих пор остается нераскрытым. В это трудно поверить (все-таки это одна из центральных проблем методологии), но, по-видимому, это так. Этот парадокс имеет объяснение: теория и метод относятся обычно к разным «контекстам». Таким образом, два важнейших понятия оказываются не соотношенными в должной степени. Подход, реализуемый в данном исследовании, направлен именно на выяснение соотношения теории и метода в психологии. Проблема соотношения предполагает выбор контекста, в котором оно будет производиться. Смысл настоящей работы состоит в том, чтобы попытаться рассмотреть соотношение теории и метода в рамках концептуальной системы. По мнению автора, соотношение теории и метода в «деятельностном» плане – следующая задача, предполагающая некоторые итоги «структурно-концептуального» подхода в качестве исходного материала.

Поскольку подобных специальных методологических исследований в психологии пока еще не проводилось, логичным представляется осуществление историко-методологического изучения соотношения теории и метода в психологии, начиная с начальных

рической психологии в качестве моделирующего представления выступала совокупность, объединение переживаний: «полипник образов» (И. Тэн, 1894). Моделирующее представление на этом этапе – ассоциативный процесс в уме, взаимосвязь образов, когда наличие одного вызывает другой. Первая модель, таким образом, течение представлений. Второй тип – сознательные представления, объединенные в некое целое, причем осмысленное целое (концепция В. Вундта). Этот тип моделирующих представлений противопоставляется предыдущему – ассоциативному. Вундт специально подчеркивает, что в случае сознательного мышления ассоциации тоже присутствуют, но эти звенья подобраны таким образом, что сочетаются в цельную картину (В. Вундт, 1912). Моделирующее представление удивительно точно соответствует структурной организационной схеме. Третий вид моделирующих представлений – направленное течение мыслей, рассуждение, направленное на какую-то определенную цель. Такие моделирующие представления соответствуют функциональному пониманию мышления и функциональной организационной схеме. В теориях мышления Г. Эббингауза и У. Джемса можно видеть примеры такой ориентации. Наконец, четвертым видом моделирующих представлений является процесс решение задачи. Этот тип моделирующих представлений можно обнаружить у психологов из Вюрцбургской школы. Такие моделирующие представления соответствуют организационной схеме процесса.

Среди рассмотренных теорий одна – разработанная вюрцбургским психологом Н. Ахом – занимает совершенно особое место, т.к. представляет собой важный этап в исследованиях мышления. В предшествующих концепциях теория представляла собой, по сути, описание мышления с использованием определенной схемы. В Вюрцбургской школе впервые применительно к мышлению можно говорить об эмпирической основе теории, полученной с помощью метода экспериментального самонаблюдения. Н. Ах исследует процесс мышления. Для того, чтобы исследовать процесс мышления, Ах первоначально пытается использовать организационную схему, использовавшуюся в Вюрцбург-

батываемой в Вюрцбургской школе, впервые появляется схема процесса. В анализе теорий мышления использовалось понятие схемы, (организующей, или организационной схемы). Понятие организующей схемы образовано по аналогии со схемой объяснения (Э.Г. Юдин, 1978). Под схемой объяснения понимается способ организации концептуального аппарата, задающий общую стратегию исследования (Э.Г. Юдин, 1978). Действие схем, по нашему мнению, начинается не с объяснения (что, несомненно, имеет большое значение), но значительно раньше, т.к. действие схем организует *все* исследование и определяет его стратегию. Поэтому целесообразно распространить действие схем не только на объяснение, но и на получение фактов, т.е. и на эмпирическое исследование. В рассматриваемый исторический период можно выявить наличие следующих организационных схем: структурной, функциональной, процессуальной. Процессуальная (в психологии мышления) появляется хронологически последней (в работах Н. Аха) и приводит к радикальным изменениям теории. Другим важным отличием рассмотренных теорий мышления являются различные моделирующие представления (разд. 3.3.8.) – понятие, предложенное Н.Г. Алексеевым и Э.Г. Юдиным (Н.Г. Алексеев, Э.Г. Юдин, 1971). Моделирующие представления обеспечивают целостность последовательности исследовательских процедур и могут содержать некоторые обоснования на этот счет, они, как правило, замыкаются на некоторый образ материальных предметов и связей между ними, задают объект исследования (Н.Г. Алексеев, Э.Г. Юдин, 1971). Моделирующие представления весьма различны: состояния сознания (последовательная смена образов и представлений), направленное течение мыслей, рассуждение, решение задачи и т.д. Моделирующие представления определяют как ситуацию, в которой будет происходить исследование, так и многие существенные детали (например, выбор стимульного материала). В рассмотренных теориях мышления обнаружены различные моделирующие представления. Можно говорить об эволюции моделирующих представлений, направление которой – все большая специализация. В эмпи-

этапов ее развития – выделения из философии в качестве самостоятельной науки во второй половине XIX столетия. В рамках данной работы осуществляется историко-методологическое изучение методов, использовавшихся на этапе становления психологии как самостоятельной науки, специфики психологических теорий на этом этапе развития науки, что позволяет выявить реальное соотношение теории и метода.

В третьей главе «Теория и метод в психологии (период становления психологии как самостоятельной науки): историко-методологическое исследование» анализируется процесс выделения психологии в самостоятельную науку, исследуются основные методы и теории, использовавшиеся во второй половине XIX столетия, интерпретируются представления наиболее видных психологов о соотношении теории и метода в психологии.

Раздел диссертации 3.1. посвящен анализу становления психологии как самостоятельной науки. Вопрос выделения психологии в самостоятельную дисциплину и проблема соотношения теории и метода оказываются тесно связанными: многие авторы прямо указывают, что выделение психологии в независимую от философии дисциплину было связано с использованием метода эксперимента и отказом от интроспекции (Б.Ф. Ломов, Ю.М. Забродин и др.). При рассмотрении вопроса о выделении психологии в самостоятельную дисциплину необходимо расширение контекста анализа: во-первых, необходимо учитывать, что выделение психологии имело как сторонников, так и скептиков, поэтому важно рассмотреть и аргументацию противоположной стороны; во-вторых, для понимания логики выделения необходимо рассмотреть неудавшиеся попытки «создать психологию как науку независимую от философии» (М.С. Роговин, 1969); в-третьих, рассмотреть процесс выделения не только со стороны психологии (внутренняя история), но и со стороны научного общества, которое такое решение должно «одобрить» и «принять»; в-четвертых, учесть влияние общенаучных методологических стандартов.

Проведенный историко-методологический анализ позволил получить результаты, по-новому представляющие предысторию научной психологии. Выделение психологии в самостоятельную область внутри философии было связано с дифференциацией философского знания. Х. Вольф, который ввел разграничение психологии на рациональную и эмпирическую (Wolff Ch., 1732, 1734), вовсе не помышлял о выделении психологии из философии, как принято считать (М.С. Роговин, 1969). Х. Вольф был философом, реорганизовывал именно философию, а психология рассматривалась как составная часть философского знания и отнюдь не как самостоятельная наука. Эмпирическая психология, по Вольфу, наука именно теоретическая: не только вольфовская, но и последующая эмпирическая психология вовсе не была эмпирической наукой в современном смысле слова. Важно подчеркнуть, что выделение эмпирической психологии не привело к появлению эмпирического метода: самонаблюдение, по Вольфу, оставалось не более, чем возможностью контролировать рациональные построения с помощью опыта. И.Н. Тетенс – вопреки разделяемому многими мнению (М.С. Роговин, 1969 и др.) – также не ставил задачи выделению психологии в самостоятельную, независимую от философии сферу знания.

Важное значение для развития психологии имели идеи Канта. Проведенный анализ (разд. 3.1.2.) позволяет утверждать, что кантовская критика психологии предопределила ее дальнейшее развитие. Можно говорить о «двойной» программе Канта в отношении эмпирической психологии: первая негативна (критика возможностей психологии, построенная на сравнении с «полноценными» науками о природе), вторая содержит позитивную возможность обоснования психологии как эмпирической науки (на примере антропологии – психология, по Канту, ее составная часть). Первая характеризует психологию как эмпирическую, атомистическую, элементаристскую, основанную на самонаблюдении, в психологии невозможно применение математики и эксперимента (И. Кант, 1786); вторая же содержит возможность обоснования эмпирической психологии не только прагматически,

шие трудности, чем элементарных психических явлений. Психология, выделяющаяся из философии, сохраняла во многих отношениях преемственность с философскими концепциями. В философской психологии теории строились методом сцепления психологических понятий (М. Дессуар, 1912). Проведенный в диссертации анализ (разд. 3.3.) позволяет заключить, что теории мышления в научной психологии, получившей самостоятельность и независимость от философии, в течение достаточно продолжительного времени оставались по сути философско-психологическими (В. Вундт, Ф. Brentano, Г. Эббингауз, У. Джемс, Э. Титченер и др.). Отличие состояло в том, что выделение научного предмета привело к изменению характера теории. Теперь на первый план при конституировании теории выступает не аналогия с какой-либо естественной дисциплиной (механикой, химией и т.д.), а главная, базовая категория: структура, функция, акт или процесс. В концепции В. Вундта, к примеру, в тех разделах, которые не основаны на интроспекции (по Вундту, изучать мышление экспериментально или интроспективно нельзя), изложение очень похоже на философскую психологию, предшествующую научной. Сходство в том, что исследователь придерживается той же логики системы, что и в философской психологии. Существенное изменение в том, что теперь в качестве образца выступает не конкретная наука, а *схема*. Схема направляет способ понимания материала. Для Вундта это структура: элементы, связи между ними. Вундт видит психологию похожей на химию, но аналогия теперь не может быть полной. Для Вундта описать мышление, значит объяснить его структуру. Факты привлекаются постольку, поскольку могут подтвердить какие-то сформулированные положения. Факты привлекаются из самых разных областей: из произведений искусства, из житейских наблюдений, из области психических нарушений и т.д. У других авторов обнаруживаются иные схемы. Наиболее распространенной является функциональная схема. При реализации этой схемы мышление рассматривается как функция, направленная на обеспечение определенного эффекта (Г. Эббингауз, У. Джемс). В психологии мышления, разра-

ванием всего переживания от появления сигнала до конца эксперимента (N. Ach, 1905). Н. Ах, выделяет в качестве существенной характеристики предлагаемого им метода «систематического экспериментального самонаблюдения» требование возможно полного описания всего, бывшего в сознании, без разграничения «важного и неважного», а также требуя описания не только главного периода, но и предварительного. В методе Аха так же, как и у других вюрцбургцев, происходит активный опрос испытуемого. Н. Ах впервые использует метод вспомогательного эксперимента, моделирующего интересующее его явление. В протоколах экспериментов высказывания испытуемых о наличии детерминирующих тенденций отсутствуют. Ах поясняет, что они действуют в сфере бессознательного. Для того, чтобы доказать их наличие, проводится эксперимент с гипнозом. Там неосознаваемое внутренне формируется с помощью команды гипнотизера. Эксперимент Аха убедительно демонстрирует действие этой неосознаваемой тенденции: она совершенно определенным образом влияет на поведение испытуемого, но им не осознается. Результаты этого эксперимента Ах «переносит» на случаи решения других задач, где гипноз не использовался, но поведение испытуемого является сходным. Отбор правильных решений объясняется Ахом через действие неосознаваемых тенденций, которые в протоколе не упоминаются. Поэтому т.н. «беспорядки в изложении» Н. Аха (G. Humphrey, 1951) имеют вполне определенное происхождение: реально использовался иной способ интерпретации, не нашедший адекватного описания в тексте работы.

Исследования в Вюрцбургской школе выявили важное противоречие. Распространение метода эксперимента на изучение процесса мышления выявило неадекватность метода интроспекции. Столкновение с неосознаваемыми психическими процессами неизбежно ведет к появлению опосредованных методов.

В третьей главе диссертации (разд. 3.3.) рассматриваются также особенности теорий в психологии второй половины XIX столетия (на примере теорий мышления). Мышление это сложное психическое явление, его объяснение всегда представляло боль-

но и через физиологию (И. Кант, 1798). Дальнейшая история психологии (включая В. Вундта) содержит попытки «ответить» на кантовскую критику.

Первую попытку обосновать психологию как науку (в рамках философии) предпринял И. Герbart. Следуя наукоучению И.Фихте, Герbart был занят в первую очередь поисками оснований науки. Основание Герbart находит в фактах сознания. Для расширения возможностей психологического анализа Герbart предлагает использовать теоретические методы (метод дополнения). Непредвзятый историко-методологический анализ свидетельствует, что обоснование психологии как науки и выделение психологии в самостоятельную дисциплину – различные вопросы, имеющие разные корни и разную логику. В середине XIX столетия они оказались объединены, поскольку отделение от философии явилось средством обоснования научности (в первую очередь, в глазах научного сообщества). Исследователи конца XVIII – начала XIX столетия не помышляли о выделении психологии в самостоятельную независимую от философии науку. Они представляли ее себе как философскую дисциплину (раздел «прикладной метафизики»). Соответственно, психология была лишь разделом философии и практически не использовала самонаблюдения в качестве эмпирического метода. Вопрос о выделении психологии из философии в самостоятельную дисциплину возникает значительно позднее и порождается он не только внутренними процессами в самой психологии, а тесно связан с ее «внешней» историей. Важнейшим фактором, повлиявшим на выделение психологии из философии, явилось широкое распространение и большая популярность позитивизма. В соответствии с контовским законом «трех стадий», психологии для того, чтобы стать наукой, необходимо было разграничиться с метафизикой (философией). Иными словами, психология для того, чтобы стать наукой (в первую очередь, в глазах научного сообщества) должна была обрести самостоятельность (независимость от философии). Эта работа по обоснованию выделения психологии была выполнена В. Вундтом (разд. 3.1.). Психология стала элементаристской,

эмпирической дисциплиной, основанной на самонаблюдении. Метод эксперимента реально использовался как вспомогательный. Использование эксперимента имело решающее значение для «внешней» истории выделения, поскольку в середине XIX столетия слово экспериментальный фактически означало принадлежность к науке. Поэтому Вундт акцентировал «экспериментальный» характер физиологической психологии, хотя и признавал ограниченность эксперимента в психологии. Тем самым оказалась полностью выполненной кантовская «двойная программа», поскольку Вундт использовал именно физиологический способ обоснования.

Методологический анализ показывает: психология как самостоятельная дисциплина была конституирована методом научной интроспекции, который был основным методом научной психологии (разд. 3.2.3.). Для того, чтобы говорить о том, что научная психология была создана методом эксперимента, который заменил интроспекцию, нет оснований (более того, научный эксперимент и научная интроспекция появляются в психологии фактически одновременно, поэтому о «смене» одного метода другим говорить не приходится уже по этой причине).

Проведенный методологический анализ позволил выделить несколько качественно различных форм метода интроспекции (разд. 3.2.). В диссертации рассматривается предыстория методов научной психологии – варианты методов, использовавшихся в донаучной и философской психологии. Показано различие между философской и психологической интроспекцией. Декарт обосновал лишь «идею» метода: была создана принципиальная возможность для эмпирического исследования сознания, но конкретные эмпирические исследования сознания появились значительно позднее, уже в рамках научной психологии. Действительно, для эмпирического изучения сознания необходимо сконструировать психологический предмет исследования. Если сознание как объект эмпирического исследования философию не интересовало, то для психологии такая перспектива представлялась заманчивой.

Выделены (разд. 3.2.) следующие формы интроспекции:

психолог подошел к исследованию этих феноменов с точки зрения схемы процесса, что позволило рассмотреть эти явления как разные фазы одного процесса. Для нашего исследования это важно потому, что ясно демонстрирует: одни и те же психические феномены могут быть интерпретированы с помощью различных схем.

Новым этапом является использование метода эксперимента в Вюрцбургской школе. Там он выступает в новом качестве. Впервые метод эксперимента используется для изучения мышления. Первоначально освоение новой области происходит с помощью традиционной схемы, которая широко использовалась в Лейпциге у Вундта, предполагавшей структурный анализ содержания сознания. Это позволило обнаружить содержания сознания, имеющие несенсорный, «безобразный» характер (положения сознания). Обнаружение феномена задачи (Н. Watt, 1905) позволило перейти к изучению мыслительного процесса. Этому способствовало использование метода систематического экспериментального самонаблюдения, предполагавшего выделение этапов и последовательное максимально подробное описание происходящего на каждом этапе. Показательно, что к схеме процесса обратились далеко не все представители Вюрцбургской школы, изучавшие мышление. Так, К. Бюлер принципиально отказывается от исследования «диалектики мышления» и ограничивается поиском ненаглядных элементов мышления. Вюрцбургские психологи пользуются в своих исследованиях не разрозненными высказываниями испытуемых, но стремятся придать высказываниям систематичность, требуется, чтобы испытуемые давали показания после каждого эксперимента «тотчас по окончании исследуемого процесса» (С.В. Кравков, 1922). Подобно Альфреду Бине, вюрцбургские психологи широко используют активный опрос испытуемых.

В работе Н. Аха (N. Ach, 1905) метод эксперимента, разработанный в вюрцбургской школе, усвершенствуется. Ах стремится повысить научность и объективность своего исследования, что может быть достигнуто лишь точным описанием и протоколиро-

рять при одинаковых условиях.

- Необходимо планомерное качественное и количественное изменение условий протекания изучаемого процесса.

Совершенно очевидно, что эти требования могут быть выполнены только в определенных условиях. Поэтому, когда психологи в Вюрцбурге попытались экспериментально исследовать процесс мышления, оказалось, что все требования Вундта ими нарушаются. Традиционно считается, что важнейшим этапом в развитии экспериментальной психологии являются исследования Г. Эббингауза о памяти. Иногда полагают, что Эббингауз даже явился создателем собственно психологического эксперимента, поскольку впервые он оказался примененным для изучения памяти как психической функции (М.Г. Ярошевский, 1985). В значительной степени это так, хотя стоит обратить внимание на то, что сам Эббингауз придавал измерению и эксперименту вспомогательное значение. Эббингауз полагал, что психология как дисциплина создается самонаблюдением и наблюдением; в более поздней работе (H. Ebbinghaus, 1902) изложение экспериментальных результатов попадает в раздел «О частностях» и получают интерпретацию с позиции общих представлений о сознании. В исследовании памяти (H. Ebbinghaus, 1885) метод эксперимента используется для решения конкретного вопроса, а именно выполняет функцию измерения поведенческих характеристик.

В исследовании Н.Н. Ланге (H. N. Lange, 1893) метод эксперимента используется для проверки предварительно сформулированных гипотез. Исследование Н.Н. Ланге представляет значительный интерес, поскольку русский психолог – впервые в научной психологии – использует реинтерпретацию эмпирических данных. Н.Н. Ланге при исследовании «закона перцепции» исходил из данных, полученных сотрудником Вундта Л. Ланге. У Н.Н. Ланге происходит важное изменение: Л. Ланге проводил свое исследование как направленное на изучение структуры сознания, что позволило зафиксировать наличие в сознании двух различных феноменов: сенсорной и моторной установок; русский

1) философская интроспекция; 2) интроспекция в философской (эмпирической) психологии; 3) интроспекция в научной психологии. В диссертации показано, что научная интроспекция могла возникнуть только благодаря опыту предшественников: работы Г. Гельмгольца могут послужить хорошим примером (разд. 3.2.3.3.). Подготовительный этап сделал возможным использование метода самонаблюдения как научной интроспекции. Характерным отличием научной интроспекции является ее теоретическая «нагруженность» (у Гельмгольца она была научно-физиологической, поскольку он не был психологом и решал свои конкретно-научные задачи). Этот метод был использован Вундтом, но, поскольку последний пытался обосновать новую «область знания» (W. Wundt, 1874) – физиологическую психологию – был переосмыслен: физиологическая «нагруженность» заменилась на «нагруженность» психологическую.

В разделе 3.2. показано, что использовавшиеся психологами варианты метода самонаблюдения несут на себе печать теперь уже психологической нагруженности. Анализ метода самонаблюдения в концепциях В. Вундта, Ф. Brentano, Г. Эббингауза, Э. Титченера, О. Кюльпе, Н. Аха, У. Джемса и др. позволил обнаружить: при том, что идея метода является общей во всех анализируемых подходах, собственно метод и конкретные технические процедуры получения эмпирических сведений существенно различаются. Различия столь существенны, что ни о каком этапе классической интроспекции, как это полагал Э. Боринг (E. Boring, 1953), говорить не приходится. Так, согласно В. Вундту (W. Wundt, 1874), интроспекция должна применяться в сочетании с физиологическим экспериментом. Стандартизованная процедура эксперимента позволяет сделать интроспекцию более систематической, упорядоченной, приблизив тем самым, к идеалу строгого научного метода. Интроспекция должна направляться на постижение структуры непосредственного опыта, описывать элементы, из которых построено сознание. Ф. Brentano полагал, что интроспекция должна быть направлена на фиксирование актов сознания. Задача психолога состоит в том, чтобы

тщательно описывать не содержание сознания, а связанные с ним акты. Последние должны описываться испытуемым целостно. С точки зрения Brentano, принятая в лабораториях В. Вундта интроспекция искажает реальные процессы сознания, которые следует тщательно наблюдать в их естественном течении и составе. По Brentano, интроспекция должна изучать сознание в его «целостности» и «доподлинности», предполагающей выявление интенции. Э. Титченер считал, что интроспекция должна быть аналитической, направленной на изучение структуры сознания. Обычное самонаблюдение легко впадает в «ошибку стимула», которая выражается в смешении психического процесса с наблюдаемым объектом. Научно-психологический анализ следует очистить от предметной направленности сознания. Для этого необходимо изгнать из языка интроспекции «значение» и говорить исключительно об элементах, из которых складывается опыт. В Вюрцбургской школе интроспекция использовалась в форме систематического экспериментального самонаблюдения. Метод систематического экспериментального наблюдения, состоял в том, испытуемый должен был описать весь процесс умственной деятельности. Широко использовались специальные методики «перерыва», а также ретроспекция. Испытуемых просили сделать объектом самонаблюдения не результат, а процесс, включая все подготовительные этапы. У. Джемс полагал, что в интроспекции должны открываться не «элементы сознания», не его «атомы», а целостности – «поток сознания».

За этим разнообразием вариантов одного метода скрывается важная проблема. В психологии конца XIX века ее называли проблемой интроспективного апперцепирования. Возникновение научной интроспекции было связано с выделением особого «пласта» сознания, подлежащего описанию и анализу. Иными словами, возникновение психологии как науки связано с выделением специфического научного предмета. До Вундта предмета научной психологии просто не существовало (предмет принципиально не отличался от философского). Вундт сделал предметом психологии непосредственный опыт. Сразу же возникла задача раз-

внешнюю психофизику было отброшено, сама психофизика стала интерпретироваться в духе психофизиологического параллелизма, тогда как Фехнер придерживался концепции тождества). Последнее обстоятельство служит убедительным доказательством того, что психофизика была включена Вундтом в состав физиологической психологии, а психофизические методы применены к исследованию другого научного предмета. Заслуга Фехнера (перед научной психологией) в том, что психофизические методы были использованы как средство измерения определенных психических явлений. Такое использование эксперимента было продолжено Г. Эббингаузом (H. Ebbinghaus, 1885). Другим предшественником экспериментальной психологии был Г. Гельмгольц. Гельмгольц также не был психологом, вопросы собственно психологии его мало интересовали (что, на наш взгляд, было основной причиной, объясняющей, почему у Гельмгольца и Вундта не сложились взаимоотношения), но он для решения конкретно-научных физиологических задач широко использовал технику функционального эксперимента: установление зависимости какого-либо явления от определенного фактора, т.е. выяснение функциональной связи переменных. Изменение восприятий выступало в качестве индикатора. Техника функционального эксперимента (разработанная, в частности, Гельмгольцем) в научной психологии также использовалась впоследствии применительно к другому предмету.

Первым использовать эксперимент как вспомогательный психологический метод эмпирического исследования начал В. Вундт. Вундтом были разработаны специальные требования к проведению эксперимента:

- Наблюдатель должен по возможности сам определять наступление подлежащего наблюдению явления.
- Наблюдатель должен, поскольку возможно, схватывать явления напряженным вниманием и проследивать таким вниманием их во время протекания.
- Нужно, чтобы каждое наблюдение в целях подтверждения его данных можно было многократно повто-

струкция, даваемая испытуемому, вопросы, которые ему задаются – все «работает» на то, чтобы создать у испытуемого установку на описание того, что соответствует «теоретическим» ожиданиям. Очевидна опасность получения артефактов, о которой предупредил еще Г. Эббингауз, призывавший не доверять экспериментам, произведенным над самим собой для подтверждения собственной теории (Г. Эббингауз, 1911).

Анализ использования метода эксперимента в психологии периода становления как самостоятельной науки, показал, что этот метод имел весьма ограниченное значение (разд. 3.2.4.). В физиологической психологии В. Вундта эксперимент использовался лишь как вспомогательное средство, позволяющее контролировать и стандартизировать самонаблюдение, остававшееся основным методом. Тем не менее Вундт полагал, что физиологическая психология может называться экспериментальной (для того, чтобы отличать ее от тех концепций, которые используют только самонаблюдение). Вундт придавал таким замечанием большое значение, поскольку использование метода эксперимента являлось своего рода гарантией «научности» и отвечало на известное критическое замечание Канта в адрес эмпирической психологии. Необходимо отметить, что Вундт постоянно подчеркивал «психофизиологичность» эксперимента и его ограниченную роль для психологии в целом (W. Wundt, 1883, 1902, 1913). Анализ, проведенный в диссертации, показывает также, что предыстория использования психологического эксперимента в историко-психологической литературе обычно получает неадекватное освещение (разд. 3.2.4.2.). Г. Фехнер, которого часто называют создателем экспериментальной психологии (П. Фресс, 1966 и др.), на самом деле психологом не был, поэтому создание психологии как самостоятельной дисциплины его не занимало. Г. Фехнер использовал психофизические измерения как средство обнаружения уравнения, верно отражающего отношения между душой и телом. Психофизика, обоснованная Фехнером как средство решения глобальной философской проблемы, была переосмыслена Вундтом (фехнеровское разделение на внутреннюю и

личения внутреннего восприятия и интроспекции как более строгого и направленного метода. Именно на этом этапе можно говорить о возникновении научной интроспекции как эмпирического психологического метода. К интроспекции как научному методу разными авторами предъявлялись различные требования: их строгость была различной. Ограничения происходили по двум направлениям: содержательному и временному. В первом случае выделялся определенный аспект анализа: Brentano требовал, чтобы описывалось не содержание опыта, но сами акты. Титченер полагал, что обращение к предметной стороне сознания является «ошибкой стимула», поэтому требовал от интроспекции описания именно характеристик психических явлений. Во втором случае речь шла об использовании ретроспекции. Здесь исследователи были более единодушны: возможность ретроспекции в структуре интроспекции была признана еще Д.С. Миллем (J.S. Mill, 1845). Собственно говоря, «чистая» интроспекция была теоретически возможна лишь у Вундта, когда задания имели достаточно элементарный характер, предполагающий описание в «момент совершения». Усложнение заданий и особенно обращение к описанию в самонаблюдении не структуры, а функции сделало ретроспекцию необходимым (даже основным) методом. В Вюрцбургской школе это предполагалось самой методикой систематического экспериментального самонаблюдения (закончив очередной этап, испытуемый должен был описать все происходившее). Впрочем, и Титченер, который в теории признавал лишь ограниченное значение ретроспекции, на деле использовал ретроспекцию очень широко (для описания воздействия стимула, занявшее 1,5 секунды, требовался зачастую двадцатиминутный ретроспективный отчет). Естественно, что для того, чтобы получить необходимые для исследователей отчеты, требовался устойчивый навык. Все научные психологи, использовавшие метод интроспекции настаивали на том, что испытуемый должен быть «тренированным» (в вундтовской лаборатории испытуемого, который выполнил менее 10000 интроспективно проконтролированных реакций, не считали надежным источником информации).

Тренировка была необходима, чтобы научиться описывать именно то, что представляет для этих психологов максимальный интерес. В Вюрцбурге акцент был сделан на теоретической подготовке испытуемого: там испытуемыми были в основном профессора психологии. Не случайно, что в ходу был термин «редактирование протоколов»: теоретическая подготовка исследователя избавляла от необходимости длительных упражнений.

Проведенный анализ (разд. 3.2.) показывает, что в рамках так называемой интроспективной психологии могут быть выделены и описаны различные варианты метода. При том, что идея метода остается общей, наблюдаются ярко выраженные различия, которые касаются как содержания метода, так и конкретных процедур. В аспекте содержания могут быть выделены такие разновидности: структурная интроспекция (Вундт, Титченер), самонаблюдение акта (Брентано), функциональное самонаблюдение (Бэн, Эббингауз, Джемс), процессуальное самонаблюдение (Вюрцбургская школа). При этом несомненно более тонкие различия: Вундт более либерален к «ошибке стимула», чем Титченер; поток сознания существенно менее специфичен, чем направленность на решение определенной задачи и т.д. Сами исследовательские процедуры являются производными от определенной модели изучаемого психического явления.

В целом можно констатировать, что исследование использования метода интроспекции в первые десятилетия развития научной психологии позволяет сделать следующие выводы:

- само возникновение научной психологии было конституировано не методом эксперимента, а методом интроспекции (если позволительно отделять метод от других факторов);
- сам метод интроспекции в научной психологии приобрел характерную специфику, выражающуюся в теоретической нагруженности;
- могут быть выявлены и описаны различные варианты метода интроспекции, использовавшиеся исследователями в этот период;

- эти варианты различаются в первую очередь направленностью на исследование структуры, функции, специфики акта или протекания процесса;
- эти варианты метода различаются спецификой технических исследовательских процедур;
- исследовательские процедуры, используемые ученым, зависят от модели изучаемого явления (изучается течение, взаимосвязь представлений; направленность на достижение определенной жизненной цели; решение задачи и т.д.);
- использование метода эксперимента имеет на первых этапах развития научной психологии чисто вспомогательный характер, роль ведущего метода принадлежит интроспекции.

Действительно, развитие психологии свидетельствует, что общей для рассмотренных подходов является идея метода: восприятие собственных переживаний для доставления «описательного материала для науки как системы» (С.В. Кравков, 1922), тогда как реально описываются испытуемым либо структура, либо акт, либо функция, либо процесс. Сами технические исследовательские процедуры и предлагаемые испытуемым задания определяются характером представлений ученого об изучаемом феномене: для того, чтобы исследовать процесс необходимо либо использовать достаточно сложные задания, требующие определенного времени для выполнения, либо вводить искусственные ограничения или помехи (например, прием «прерывания») для фиксации этапов процесса. Характер заданий, получаемых испытуемыми, которые должны были заниматься интроспекцией, также способствовал описанию именно того, что предполагалось изучать: элементарные задания практически исключают возможность изучения процесса (но позволяют вычленивать структурные элементы), для этого нужны более или менее сложные задачи; изучение функции предполагает получение какого-то осмысленного, более или менее завершенного результата и т.д. Ин-